

А.В. Останкович, А.Д. Алексенко

СЮЖЕТНО-ОБРАЗНАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУСЬ» В СОНЕТАХ Г.В. ГОЛОХВАСТОВА

Статья посвящена осмыслению инвариантного для сонетов Г.В. Голохвастова концепта «Русь», системного централизованного концептами «государство» и «государь», объективированного на основе оппозиций «свое – чужое», «жизнь – смерть». Предлагаемое исследование содержит описание, анализ и интерпретацию инвариантного концепта «Русь» на материале сонетов, образовавших в творчестве поэта отчетливо циклизующиеся художественные единства: во-первых, сонеты на сюжеты из исторического прошлого России; во-вторых, сонеты биографического содержания.

Ключевые слова: сонет; цивилизация; символ; концепт; Русь; государство; стих; сюжет; инвариант; образ.

В результате длительного процесса радикальных политико-экономических, социальных и культурных преобразований понятийные интерпретации имени «Россия» в настоящее время обнаружили свою ограниченность и недостаточность, которые, на наш взгляд, может преодолеть исследование образно-символического содержания данного концепта в литературно-художественном творчестве. Осмысление концепта в лирике, системно централизованной в своей родовой форме воссоздания действительности на сознании автора и реципиента как субъектов не ограниченной временем-пространством действительности, представляется нам продуктивным.

Объект исследования данной статьи определен следующими причинами. Во-первых, устойчивым интересом к сонету всех русских «американцев» (Д.А. Магула, Е.А. Христиани, В.С. Ильяшенко и др.), универсальностью содержательных возможностей жанрово-строфической формы и эстетическим совершенством индивидуализированной сонетной версификации в творчестве поэта: два катрена и два терцета стихов цезурированного шестистопного ямба с рифмосочетаниями в субстрофах *abba abba ccd cdc* (количественное неравенство двух рифмующихся созвучий в терцетах 4 к 2 вместо привычного 3 к 3 динамизирует сюжетно-тематическое развитие, имеющее, как правило, не одно, а два кульминационных возвышения, что значительно усиливает потенциал выражения драматизированного содержания).

Во-вторых, безусловной ценностью поэзии Голохвастова, в значительной своей части тенденциозно и бескорыстно ориентированной на выражение уникальности российской цивилизации, неотъемлемой и органичной частью которой, находясь в условиях вынужденной эмиграции, автор продолжал себя ощущать.

В-третьих, творчество русских «американцев» представляется малоизученным. Знакомство с ним состоялось в 1995 г. после издания четырехтомной антологии под редакцией Е. Витковского «Мы жили тогда на планете другой». В этом же году под редакцией В. Крейда опубликована антология «Вернуться в Россию – стихами», в которую были включены произведения 200 забытых поэтов, разбросанных судьбой по всему миру – от Харбина до Парижа, Рима и Нью-Йорка. В обеих антологиях приведены короткие биографические выдержки, содержащие факты о жизни

Голохвастова в США. Авторы-составители сходятся в одном: «подробности его биографии до эмиграции неизвестны. Известно лишь, что служил в армии. В Америку приехал в 1920 году» (В. Крейд) [1. С. 618]. В 2008 г. издательство «Водолей» опубликовало главный труд Голохвастова – эпическую поэму «Гибель Атлантиды» и некоторые поэтические сборники. В 2010 г. этим же издательством выпущен сборник «Лебединая песня», в котором представлена книга стихов «Сонеты за полвека». К числу исследовательских работ можно отнести монографическую главу О.И. Федотова «От средневековой септими к полусонету», предисловие А. Назарова к книге стихов «Из Америки», небольшие статьи В. Орелина о творчестве Д.А. Магулы. Характер перечисленных публикаций, а также статей авторов настоящего исследования свидетельствует о неизученности творческого наследия Голохвастова.

В-четвертых, Г.В. Голохвастов являлся лидером русско-американской поэтической школы. Его сонеты, как и творчество русских «американцев» в целом, выражая в условиях иной цивилизации ключевые концепты русского сознания, в значительной мере отразило как личностный, так и коллективный опыт поколений русских людей первой половины XX в., для которых прошлое Родины проецировалось в насущных проблемах сегодняшнего дня и могло в значительной мере определить будущее. Их поэзию объединяют мотивы тоски по России, безвозвратно потерянной Родины, ценностного неприятия чуждой действительности. Голохвастов создает символический «Град Китеж» – утраченную, священную землю, возврат к которой представляется поэту высшим благом: «Отвори ж мне раздолья глухие, – / Новых сил я в тебе наберусь / Вековая родная стихия, / Непонятная, чудная Русь» [2. С. 42].

Используя европейскую жанрово-строфическую форму для трансляции национальной образности, Голохвастов реализует свою ключевую творческую установку на диалог времен и цивилизаций: «Я всё равно / Храню уверенность живу, / Что слову русскому дано / Объять и мудрость мировую» [3. С. 90]. Научная новизна исследования заключается в системном анализе воплощения образов русского национального мира в сонетах Г.В. Голохвастова. Родина, номинированная в сонетах Голохвастова как «Русь», а не «Россия», выступает и источником, и темой, и ад-

ресатом. Не Россия, не Российская империя, не Киевская, Ордынская или Московская Русь, а «Русь» как неизменный символ Родины, символ цивилизационного единства, преодолевающего время и политические формы существования государственных образований: «На зиму долую, в серебряной постели, / Уснула крепко Русь, родимая земля»; «О смерти вне Руси и мысли не приемлю»; «О, Русь далекая! Там, в юности блага / Была бессонница над творческой работой»; «В венце и бармах Царь. Он поднял Русь из праха...»; «Он крепко Русь любил... В душе родного быта / Мечта вселенская была ему открыта» [3. С. 7, 33–34, 79, 103]. Для определения семантического и символического объема образа «Русь» в циклах считаем необходимым использование понятия концепт, так как именно концепт становится первоначальным «строительным материалом» для образования новых художественных смыслов [4. С. 42], «запускает движение смыслов на стыках разных рядов – исторического, социального, бытового и собственно литературного» [5. С. 10].

Сонеты, выражающие содержание и идейные основы российской цивилизации, образуют в творчестве Голохвастова два цикла, соотносящиеся как общее и индивидуальное: первый – сонетный цикл на сюжеты из исторического прошлого Руси; второй – цикл сонетов биографического содержания. Содержание концепта «Русь» опирается на длительную историко-культурную традицию, а его образно-символическая наполненность национальна и индивидуальна.

В основу сонетов первого цикла («Свидание», «Король и Царь», «Царевна Софья», «Победитель и побежденный», «Победа», «Два слепца», «Свеча», «Под Плевной»), диалогизирующего с традициями «Дум» К.Ф. Рылеева, автором положены исторические события, определившие культурно-исторический облик Руси от древнейших времен до второй половины XIX в., и их герои – исторические деятели-правители: Святослав Игоревич, Иван Калита, Василий Темный, Иван Третий, Петр Первый, царевна Софья, Александр Первый, Александр Второй и др. Поэтический образ каждого структурирован общими для них свойствами исключительности и избранности. Правитель истинный – это вершитель верховной воли, а его деяния направлены на сохранение Руси как государства и центра православной веры. Обширные концептосферы данных сонетов центрированы опорным концептом «государь», ассоциантами которого являются качественные определители – сила духа, величие, исключительность, а российская цивилизация представлена в форме государственной же общности, объединенной образом ответственного властелина, масштабной общенациональной целью и делом, которые он олицетворяет. В сюжетно-образной системе сонетов данного цикла воплощены закрепленные в культурном коде автора и центрируемые в силу его универсальности концептом «Русь» следующие важнейшие концепты: «государство», «государь», «вера», «храм», «православие» [6. С. 87–93], среди которых, вследствие традиции политического устройства России, «государь», а не производное от него «государство», имеет определяющее значение. К

устойчиво повторяющимся ассоциантам «государя» в цикле (величие, сила, исключительность, страстность, прозорливость, избранность, воин) образом Александра Второго в сонете «Под Плевной» привносятся столь редкие для самодержца – жертвенность, благородство и великодушие.

Событийной основой сонета стал эпизод капитуляции войск знаменитого полководца Османа-паши в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Торжественной сдаче предшествовала многомесячная осада болгарского города Плевны. После его падения исход всей войны был стратегически предreshен в пользу русской армии. Эпическое значение события описательно выражает второй катрен сонета. В нем представлены итоги долгого и кровопролитного для обеих сторон противостояния:

Осман, упорный вождь залитой кровью Плевны
На зов царя идет, склонясь к руке врача.
В бесстрашном сердце – страх: что, если сгоряча
Позором отомстит ему властитель гневный?

По степи, там, где бой тянулся многодневный,
Раскинут строй полков; под ветром трепеща,
Знамен разодранных колышется парча,
И вдалеке рожок трубит сигнал напевный.

Здесь – свиты полукруг. Почетный караул.
И белый падишах... Он исхудал, сутул...
Он помнит кровь врагов, победных дней предтечу.

Замедлил шаг паша... В ушах тревожный гул...
Но русский воин сам ступил врагу навстречу
И саблю пленную герою протянул [3. С. 49].

Инвариантный концепт «государь» вариационно реализуется в композиционно-образной вертикали: 2-й ст. «царь» – 4-й ст. «властитель гневный» – 10-й ст. «белый падишах» – 13-й ст. «русский воин». В заключительной вариации тринадцатого стиха концепт через предикацию получает ассоцианты – «великодушный» и «благородный». В соответствии с сюжетным развитием образа русского царя, вчерашний бесстрашный враг, сегодня пленный, раненый, обезоруженный Осман, более всего страшась бесчестия, получает из рук русского царя-воина пленную саблю и вместе с ней – утраченный вследствие капитуляции статус героя. Таким образом, концепт «враг» в сознании Голохвастова также не исключает наличие такого ассоцианта, как «герой». Но и для русского императора осада не прошла даром: «Он исхудал, сутул...», – так как в полной мере разделит трудности и тяготы участников осады. В результате образ Александра мотивированно восходит к архетипу правителя-воина, который, беря начало в мифе, летописях и фольклоре, периодически воскрешается в национальном сознании посредством произведений искусства.

Сонет представляет тщательно разработанное образно-ритмическое единство. Во-первых, заголовок, первый и заключительный стихи средствами аллитерации и ассонанса образуют образно-звуковое обрам-

ление сонета: «Плевной – Плевны – пленную». Так как заглавие «Под Плевной» помещено в рифму первого стиха, то его звуковой состав транслируется и во всех стихах катренов с женской каталектикой. Во вторых, в пяти стихах сонета наблюдается нехарактерная для ритмической традиции русского ямбического стиха полноударность шестистопного ямба (1, 2, 11, 12, 13-й стихи). Полноударные стихи сопровождаются пространственным перемещением Османа в направлении Александра Второго (1, 2, 12-й ст.). В-третьих, инерция стихов цезурированного шестистопника имеет индивидуальные отступления. Так, в 4-м стихе местоимение «ему», располагаясь после цезурной паузы, содержит метрическую ударность, а не входит проклитикой в состав фонетического слова, эта же причина обуславливает ударность местоимения «сам» в предцезурной позиции тринадцатого стиха.

Постцезурная часть 3-го стиха и 4-й стих в сонете – это место столкновения эмоций и предполагаемых реакций двух героев. В четвертой стопе 3-го стиха, в месте смены субъекта речи, вследствие столкновения союзов, синтаксической обособленности союза «что» появляются внесхемная ударность и нетипичный для Я. 6 межиктовый интервал: 1 – 1 – 1 – 0 – 0 – 4 – 0. Тринадцатый стих – место обретения нового статуса русского императора: он «русский воин». Синтаксически и пунктуационно обусловлена внеметрическая ударность в начале девятого стиха, которая обозначает границу «вчера, там» – «сейчас, здесь». Стих начинается воссозданием мига личного контакта командующих армиями. Сонет «Под Плевной» содержит картину психологических переживаний Османа, но главным героем его как драматизованного единства, несомненно, является Александр Второй Освободитель, чье величие объективировано признанием вражеского полководца.

Как и другие сонеты цикла, «Под Плевной» представляет полисубъектное единство, основанное на драматизованном столкновении двух образов: «Свидание» – Святослав и Цимисхий; «Два слепца» – Василий Темный и Василий Косой; «Царевна Софья» – Софья и Петр I; «Король и царь» – Петр I и Людовик XV; «Победитель и побежденный» – Александр I и Наполеон... Сонеты на исторические сюжеты Голохвастова выражают ключевые для национального сознания смыслы образа «государь», а их герои, воссозданные на основе осмысления фактографической информации историографических, фольклорных или литературно-художественных источников, являются результатом напряженной работы проникнутого любовью к Родине творческого сознания.

В основе сонетов второго цикла – интимно-личностные сюжеты из прошлого и настоящего биографического времени автора. В сонетах из авторского прошлого («Зимний путь», «Зима», «Друзьям», «По проселкам», «В снегах», «Воспоминание» и др.) реализация концепта «Русь» осуществляется от первого лица в форме воспоминаний событий, картин детства или юности лирического героя, когда он молод, полон сил и надежд. Сонеты, как правило, изображают идиллическую картину непротиворечивого единства лирического героя и Родины. Русь, о которой помнит Голохвастов, – это уютный теплый дом, «разливы

спелой ржи» и проселочная дорога, непременно ведущая к близкому жилью, где «не дождутся – ждут». Поэт создает эпически осмысленный образ усадебной и провинциальной Руси. Это целостное воспоминание, единая для лирического героя картина полноценного бытия личности.

Воспоминание о России в лирике Голохвастова всегда сопровождается ощущением неизбывной тоски от невозможности возврата. Чуждую действительность Нью-Йорка поэт изображает в цикле сонетов о чужбине, где примирение лирического героя с действительностью возможно в бреду, во сне, в забытии – пограничных ирреальных пространствах, уносящих его к родной земле. В сонетах на сюжеты из «настоящего» времени жизни автора мироощущение лирического героя становится точкой пересечения время-пространственных координат: «Исход», «На переломе», «В городе», «На чужбине», «В часы бессонные», «Весы», «Улица», «Тризна» и др. Композиционная основа данных сонетов достаточно устойчива: лирический герой, находясь вне родины, мысленно обращается к минувшим дням детства и юности – в результате хронотопы настоящего и прошлого обнаруживают возможность слияния. Но возможность слияния не означает восстановления единства бытия. Лирический герой Голохвастова всегда отдает себе отчет в том, что прошлое вернуть невозможно, но и настоящее принять без утраты собственной личности нельзя. Подобное состояние выражено в сонетах на сюжеты из прошлого, совмещенного с эмигрантским настоящим автора. Трагизм усугубляется тем, что России, по убеждению поэта, уже нет, а он и его современники-соотечественники – люди без родины в настоящем и будущем. Сонеты цикла отличаются эмфатичностью, поскольку они так или иначе основаны на воссоздании процесса переживаний идентичного автору лирического героя.

Особое положение в цикле занимают сонеты XXIV «Исход» и XXVII «На чужбине». Композиционно они организованы по принципу со/противопоставления, а их содержание определяет трагизм мироощущения, обусловленный осознаваемой обреченностью на существование в чужой стране в состоянии «не-жизни». Заголовком первого сонета Голохвастов метафорически проецирует на себя и свое поколение библейское сказание *книги* «Исход» о всеобщем уходе поработанных евреев из Египта, об их скитаниях под предводительством пророка Моисея в поисках земли обетованной. В сонетной интерпретации «исход» русских произошел не из чужой страны, где народ находился в рабском состоянии, а из родной России – в чужеземное рабство повседневных забот, не по воле Бога и не всего народа – а вследствие революции и чуждой поэту власти.

Привык я не роптать, что косным этим телом
Прикован я к чужой неласковой стране,
Что в чуждой мне толпе бреду, как в тяжком сне,
Существованием томим, как нудным делом.
Но душу примирю ль с невольничьим уделом
Заботы нищенской о завтрашнем лишь дне,
Меж тем как копит мир в неверной тишине
Тупую ненависть на сердце оробелом.

Могу ль откликнуться на эту бль? – О нет,
Не петь мне гимнов ей! Иной мечтой согрет,
Напев мой волен там, где дышит жизнь природой.

Там звуки радостны, как в песнях древних лет,
Когда беспечностью, незлобьем и свободой
Гордился человек, наследственный поэт [3. С. 16].

Двухчастная композиция сонета – группа двух катренов содержательно противопоставлена единству двух терцетов – связана со время-пространственным со/противопоставлением по оси «настоящее – прошлое» лирического героя, его мироощущения здесь и там, которое развито в образно-эмоциональном пространстве полюсов: чужое, чуждое – родное; враждебная реальность сегодняшнего дня – идиллия прошлого; рабство – свобода; раб – человек и гражданин; существование – жизнь; ненависть в отношении к окружающему – радость приятия мира; бессодержательная повседневность – творческое содержание жизни; урбанизованное пространство обитания – природная среда жизни. Каждый из словесно-образных полюсов системно вербализован в словесно-образной ткани, как стихов катренов, так и стихов терцетов.

Катрены – последовательное отрицание чуждой действительности, а девятый стих – переход в сферу личностной оценки, переходящей в ментальную сферу бесконечно ценного прошлого, в сферу истинной жизни в родном пространстве стихов терцетов: *«Не петь мне гимнов ей! Иной мечтой согрет, / Напев мой волен там, где дышит жизнь природой...»*

Симметрии соответствий не отвечает лишь финальный образ сонета – «наследственный поэт», потому что тема творческого освоения действительности человеком насыщает лишь терцетную часть: *«бль, гимны, мечта, напев, песни»*. Итоговый образ сонета идентифицирует лирического героя как естественного носителя и продолжателя традиций отечественной истории и культуры, который в личностном настоящем лишен возможности созидательно реализовывать свой человеческий потенциал. Его трагедия состоит в ясно и мужественно осознаваемой невозможности обратного «исхода», обретения истинной свободы.

В катренах сонета «Исход» развернута организующая время-пространственную сферу инвариантная антитеза «тело – душа». Физически лирического героя находится в настоящем сейчас, т.е. пребывает в условиях урбанизованного пространства США. Окружающий мир – место рутинной и обыденной пошлости, где для него возможна только *«забота нищенская о завтрашнем лишь дне»*. Этот мир повседневности поглощает лирического героя, наполняя его сердце мелочными и суетными переживаниями, далекими от привычной в прошлом духовной жизни. Настоящее в чуждой стране оказывается совсем не ценным, поэтому он погружается в бесконечный самоанализ, обращенный в прошлое, представленное как абсолютная ценность.

Рефлексия времени организует композиционный перелом, синтезирующий прошлое и настоящее, «те-

ло» и «душу». Герой понимает, что его истинная жизнь осталась там, в России, безвозвратно утерянной и бесконечно прекрасной, но телесная жизнь проходит здесь, в «чужой неласковой стране». Невозможность обретения смысла в настоящем трагична и ведет к перманентному душевному кризису. Хронотоп осложняется мотивами сна и бреда: утрачивается ощущение ценности происходящего – герой отчуждает себя от действительности и погружается в сферу вечного ментального пространства Руси в «какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома» [7. С. 13].

Мифологизированная Русь позволяет примириться с чуждой североамериканской средой, не принимаемой всей полнотой души. Понимая то, что на родину он уже не вернется, Голохвастов ищет пути примирения с реальностью путем погружения в свой миф о Руси. Физически являясь чужим для реального пространства жизни, лирический герой творчески осваивает ту ментальную сферу, в которой он «свой». «Чужой» живет исключительно в настоящем, «свой» – в прошлом и настоящем одновременно. Появление такой концептной антиномии объясняется стремлением носителя культуры к разделению мира на пространство «наше» / «свое» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [8. С. 175], причем подобное противопоставление пронизывает как индивидуальное, так и «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [9. С. 472].

Художественными ассоциантами «своего» у Голохвастова выступают следующие состояния и сущности – мечта, природа, жизнь, радость, беспечность, свобода, принадлежащие прошлому, гармоничному и идиллически непротиворечивому. Концепт «чужой» логично осваивает прямо противоположные характеристики сегодняшней реальности поэта: *«неласковая», «невольничий», «смирение», «нищенский», «неверный», «ненависть»* (обращает на себя внимание градационный характер перечисления отрицательных свойств – от просто «неласковой» страны до предельно обостренной ненависти всего мира *«на сердце оробелом»*). Ассоцианты «своего» и «чужого» в сонете симметрично связаны противопоставительными отношениями: *«незлобье» – «тупая ненависть»; «невольничий удел» – «свобода»; «существование / нудное дело» – «беспечность»; «косное тело» – «душа»; «неверная тишина» – «песни древних лет»*.

В сонете девятый стих становится местом реализации ключевой антиномии «жизнь – смерть»: *«Могу ль откликнуться на эту бль? – О нет»*. В соответствии со своим жанровым значением сюжет были реализован в прошлом, однако лирический герой Голохвастова не может реагировать именно на бль настоящего: герой отрицает настоящее, живет не сейчас, не в данный момент – значит, мертв. Смерть наступает не в физиологическом смысле, а в значении смерти души – самой большой ценности православного человека – в условиях онтологически чуждого пространства. Здесь отчетливо реализовано мифологическое восприятие жизни как циклической целостности, которая отрицает смерть утверждением единства, це-

лостности и непрерывности бытия. Итак, в сонете концепт «смерть» в значении физического небытия нейтрализован, так как осознаваем на фоне ограниченного временем состояния души. В таком случае жизнь – это не только физическое существование, а «не-смерть», почти бессмертие. Бессмертие – качество души, а душа лирического героя пребывает в вечном, во времени-пространстве утерянной, но живой Руси.

Сонет Голохвастова представляется замечательным примером убедительного опровержения логикориторического восприятия жанрово-строфической формы, предусматривающего разрешение противоречия тезиса и антитезиса в синтезе итоговой мысли [10. С. 407–432; 11. С. 557–573; 12. С. 17–52]. Ни одно из противоречий не разрешено в аккумулирующем их трагическом сознании «наследственного поэта» – образа, ставшего итогом драматизованного развития лирического сюжета: *я – невольник – нищий* (катрены) – *певец – человек – наследственный поэт* (терцеты). Антиномичные состояния сосуществуют в настоящем нерасчлененного миге сознания лирического героя, а суть гармонического решения в сонете «Исход» состоит в итоговом утверждении поэта как философской личности, вмещающей в свое сознание трагическую судьбу современника, нации, Руси и тоскующего о золотом веке человечества. Эта тоску в полной мере концептуально выразила замечательная по философской глубине поэма Голохвастова «Гибель Атлантиды».

Сонет XXVII «На чужбине» содержит ключевые основания концепта «Русь». В сюжетном времени композиция сонета структурирована архитектурно: первый катрен – прошлая жизнь в пространстве Родины; второй катрен и первый терцет – существование в изгнании и надежды на возвращение в настоящем; последний терцет – надежда на чудо возвращения в будущем. Сонет открывается картиной прошлого поэта, радостного и гармоничного, наполненного сгущенным использованием слов эмоционально положительной семантики: «*радостно*», «*любить*», «*счастье*», «*единый*». Лирический герой в прошлом ощущал себя активно действующим субъектом, который сам «*был*», «*ощущал*», «*находил*» и «*любил*», т.е. полноценно жил. Созданию ощущения гармоничного счастья способствуют внутренние предцезурные рифмы первого и четвертого стихов: «*я был*» – «*любил*». Обращенность временного вектора исключительно в прошлое грамматически опирается на использование форм простого прошедшего времени: «*был*», «*ощущал*», «*находил*», «*любил*».

На Родине я был ее природной частью,
Я ощущал ее единою с собой,
В ней находил себя, дыша ее судьбой,
И радостно любил душой, привыкшей к счастью.
Теперь изгнанник я. Кругом, маня к участию,
Чужая жизнь кипит обильем и борьбой.
Но я, соблазнам чужд, к Отчизне рвусь с мольбой,
Лишь к ней одной горю израненною страстью.

Я не пою о ней в кругу других певцов,
Я за нее молюсь и жду ее гонцов, –
О смерти вне Руси и мысли не приемлю.

Как чудо, грянет зов к возврату беглецов:
Я буду целовать в слезах родную землю,
Обласкан воздухом страны моих отцов [3. С. 20].
1922 г.

Драматический переход осуществлен в пятом стихе. Трагедия сосредоточивается в одном полустиии-предложении, которое становится координатой пересечения время-пространственных планов всего сонета: «*Теперь изгнанник я*», – где лирический герой отстраняется от восторженных переживаний прошлого и мужественно принимает груз чуждого настоящего. Характеристики предлагаемого «*чуждой жизнью*» собственного жизненного сценария неприемлемы и оценочно воспринимаются как греховные «*соблазны*».

Признавая достижения западной цивилизации, Голохвастов декларирует свою приверженность к родной, основанной на идеализации отношений человека с социумом и природой. Нью-Йорк становится полновесным символом города-мира, всей западной цивилизации. Лирический герой всегда ощущает его как неестественную для себя среду существования, которой противопоставляет страстную любовь к Родине, натурфилософски представленную единством с ее стихиями: землей («*О смерти вне Руси и мысли не приемлю*»), «*Я буду целовать в слезах родную землю*»), воздухом («*Обласкан воздухом страны моих отцов*»), природой в целом, с ее историей и традицией духовной жизни (регулярно реализуемые мотивы мольбы, молитвы, земли, смерти, чуда и пр.). Духовная жизнь народа представляется лирическому герою повсеместной, для него она «в глубине каждого русского человека и в каждой пяди русской земли, она не сосредоточена в каком-либо определенном географическом субъекте» [7. С. 43]. Ведущее к аскезе отстранение от структурированного городского пространства американской жизни, надежда на чудо примирения, смиренное ожидание зова к возвращению придают герою сонета типологические черты праведника, страждущего за Русь на чужбине, идентифицирующего себя как наследника и законного представителя русской цивилизации.

Лирический герой мыслит свою смерть только в границах Руси, но даже если принять как данность, что он мечтает умереть именно в географическом пространстве России, то все равно смерть оказывается невозможной ровно настолько, насколько невероятно физическое возвращение. Смерть лирического героя, как и в сонете «Исход», начинает восприниматься как «не-смерть», «отсутствие смерти». Надежда на то, что «*грянет зов к возврату беглецов*» следует после упоминания о возможной смерти лирического героя, поэтому возвращение на Родину воспринимается как воскрешение и последующее бессмертие. В составе терцетов данный стих выделен акцентированным благозвучием рифменного согласия своих полустийи: «*зов... беглецов*».

Мотив «родная земля» сюжетно-образно замыкает пространство сонета. «*Страна моих отцов*» – это мифологизированное пространство бесконечно прекрасной утерянной родной земли, возвращение в которую вряд ли возможно. Оно предполагается где-то за границей бытия в бессмертии. Русь для Голохвастова – это ментальная вневременная ценность, соответственно, ее исчерпывающе полная метафизическая идентификация невозможна для индивидуума. Родная земля Голохвастова связана с христианскими основами мировоззрения русского человека: «Почти смешивает и отождествляет он <русский человек> свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [7. С. 40]. «*Страна отцов*» имеет в своем поле несколько важных смыслов: ее обретение возможно после того, как «*грянет зов*», а это время находится за чертой земного существования героя в жизни его бессмертной души; в образ привносятся признаки мифологемы рая, эта страна – место вечности и покоя, где лирический герой, наконец, обретет счастье.

В поэзии Голохвастова образно-семантическим содержанием концептосферы «Русь», реализуемой в условиях инвариантной оппозиции «свое» – «чужое», утверждается уникальная цивилизационная самобытность Родины. Концепт, отмеченный чертами вневременности и всенаходимости, трансформируется в сакрализованное мифологическое пространство, в котором отрицается сам факт смерти человека, а жизнь представляется высшей ценностью – прекрасной, свободной и счастливой. Образно-семантическое поле концепта в сонетах каждого сюжетного типа составляют ассоцианты положительных смыслов. Величие, сила, исключительность, жертвенность, благородство, великодушие и гуманность – в сфере отношений с иноземным миром; мечта, жизнь, радость, беспечность, свобода, творчества – в сфере духовной жизни принадлежащего Руси человека. Вариации ассоциантов концепта находятся в прямой зависимости от душевного состояния лирического героя: чем полнее он включен в «чужую» действительность, тем трагичнее его мировосприятие, и, соответственно, тем идиличнее качественные характеристики Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции : антология / сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М. : Рес-публика, 1995. 688 с.
2. Георгий Голохвастов. Жизнь и сны. Нью-Йорк : Издание кружка русских поэтов, 1943. 90 с.
3. Георгий Голохвастов. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. М. : Водолей, 2010. 252 с.
4. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 42.
5. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород, 2001. 168 с.
6. Останкович А.В., Фокина А.Д. Цивилизационные концепты «Русь», «государство» и «правитель» в художественном выражении общероссийской идентичности: сонеты на исторические сюжеты Г.В. Голохвастова // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 87–93.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Эксмо, 2007. 129 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Бехер И.Р. Философия сонета или малое наставление по сонету // Литература и искусство. М., 1981. С. 407–432.
11. Брюсов В.Я. Синтетика поэзии // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 557–573.
12. Герасимов К.С. Диалектика канонов сонета // Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета : сб. материалов науч. конф. Тбилиси, 1985. С. 17–52.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

THE PLOT AND IMAGE CONCRETIZATION OF THE CONCEPT *RUS'* IN SONNETS BY G.V. GOLOKHVASTOV
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 49–55.

DOI: 10.17223/15617793/436/6

Anatoliy V. Ostankovich, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ost_av@mail.ru

Anastasiya D. Alexenko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nastasya140@rambler.ru

Keywords: sonnet; civilization; symbol; concept; Russia; state; verse; plot; invariant; image.

This study is devoted to the little-studied heritage of G.V. Golokhvastov, the most talented representative of the poetry of Russian “Americans”, who formed an active creative community in the beginning of the 20th century in New York. (V. Ilyashenko, D. Magoula, E. Christians). The article contains a description, analysis and interpretation of the invariant concept “Rus’”, which determines the figurative and symbolic content of the Russian civilization as a whole in Golokhvastov’s sonnets. Sonnets expressing the content and ideological foundations of Russian civilization form two cycles in the poet’s work: (1) sonnets on subjects from the historical past of Russia and (2) sonnets of intimate and personal content. The sonnets of the first (“Rendezvous”, “King and King”, “Princess Sophia”, “Winner and Defeated”, “Victory”, “Candle”, “Under the Spittle”) are based on historical events that determined the cultural and historical appearance of Russia from ancient times to the middle of the 20th century, and their heroes are real historical figures, the Russian rulers. In the sonnets, Russian civilization is represented in the form of a community, united by a responsible lord, a large-scale national goal and deed. Associates of the “sovereign” are the power of the spirit, greatness, exclusivity. The sonnet “Under the Spitting” with the image of Alexander II adds nobility, sacrifice, generosity and humanity to the stable associates. The second cycle contains sonnets with intimate and personal subjects from the author’s past and present. In sonnets on themes of the author’s past (“Winter Way”, “Winter”, “Friends”, “On Country Roads”, “Memory”, etc.), the concept “Rus’” is entered in personal memories and is represented by pictures of the childhood or youth of the lyrical hero. Such sonnets show an idyllic picture of Rus’-Russia. The lyrical hero associates pictures of the ancestral estate with Russia, which is a place of full life for the mind and soul of the lyrical hero (identical to the author). The sonnets on the topics from the “real” life time of the author (“Exodus”, “On a Fracture”, “In the City”, “In Exile”, “Sleepless Hours”, “Street”, etc.) are filled with imagery and semantics of the

concept sphere “Rus”, expressed in the invariant opposition “own” – “alien” which creates the unique identity of Russia. The concept with its properties of timelessness and outwardness is transformed into a sacralized mythological space in which the mere fact of death is implicitly denied, and life is the highest value – beautiful, free and happy. The semantic field of the concept “Rus” in the sonnets of each type consists of associates with positive meanings: greatness, strength, exclusivity, sacrifice, nobility, generosity and humanity in the sphere of relations with the foreign world; dream, life, joy, carelessness, freedom in the sphere of spiritual life of the individual. Variations of associates of the concept “Rus” directly depend on the state of mind of the lyric hero: the fuller it is included in the surrounding “alien” reality, the more dramatic is his worldview, and, accordingly, the more idyllic is the qualitative description of Russia.

REFERENCES

1. Kreyd, M. (1995) *Vernut'sya v Rossiyu – stikhami... 200 poetov emigratsii: antologiya* [Return to Russia – in verse . . . 200 poets of emigration: an anthology]. Moscow: Respublika.
2. Golokhvastov, G. (1943) *Zhizn' i sny* [Life and dreams]. New York: Izdanie kruzhka russkikh poetov.
3. Golokhvastov, G. (2010) *Lebedinaya pesnya: Nesobrannoe i neizdannoe* [A swan song: Unsorted and unpublished]. Moscow: Vodoley.
4. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*. 4. p. 42.
5. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and concept in literature. Literature and music]. N. Novgorod: DEKOM.
6. Ostankovich, A.V. & Fokina, A.D. (2015) Tsivilizatsionnye kontsepty “Rus”, “gosudarstvo” i “pravitel” v khudozhestvennom vyrazhenii obshcherossiyskoy identichnosti: sonety na istoricheskie syuzhety G.V. Golokhvastova [Civilization concepts of “Rus”, “state” and “ruler” in the artistic expression of the all-Russian identity: sonnets on historical plots by G.V. Golokhvastov]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 87–93.
7. Berdyaev, N.A. (2007) *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Eksmo.
8. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Stepanov, Yu.S. (1997) *Slovar' russkoy kul'tury* [Dictionary of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Bekher, I.R. (1981) Filosofiya soneta ili maloe nastavlenie po sonetu [Philosophy of the sonnet or a small instruction on the sonnet]. In: *Literatura i iskusstvo* [Literature and art]. Moscow: Znanie.
11. Bryusov, V.Ya. (1975) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 557–573.
12. Gerasimov, K.S. (1985) [The dialectic of the canons of the sonnet]. *Garmoniya protivopozhnostey. Aspekty teorii i istorii soneta* [Harmony of opposites. Aspects of the theory and history of the sonnet]. Proceedings of the Conference. Tbilisi: Tbilisi State University. pp. 17–52. (In Russian).

Received: 17 September 2018